

ГЛАВА IV

Академия наук — важный фактор сохранения и развития замечательных традиций в области культуры и науки

§ 1. Издание научных трудов и публикация научного наследия

На рубеже веков XIX и XX научно-издательская работа являлась важной составляющей всей деятельности Академии наук и стала уже традиционной на ниве народного просвещения.

Академическая типография, основанная в 1728 году, являлась одной из старейших в России. Кроме того, она была единственной в стране по своим техническим параметрам и возможностям. В активе типографии было несколько сотен видов различных шрифтов, общий вес матриц составлял 6 436 пудов, и к концу XIX столетия она имела возможность печатать книги на 357 языках и наречиях¹.

В 1913 году общий объем изданной Академией научной литературы, как уже упоминалось выше, составил 1 434 печатных листа². Заметим, что после революции Академии наук только к 1928 году удалось вновь достичь данного рубежа. Мы не ставили перед собой задачу характеризовать многоаспектную деятельность Академии по подготовке книг по различным отраслям науки, а попытались выделить издания, имевшие общекультурное, просвещенческое значение. Так, Академии удалось выпустить за 1899–1916 годы пять томов полного собрания сочинений А. С. Пушкина, переписку поэта в трех томах, в 1907–1909 годах вышли в свет три выпуска книги «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», в 1911 году — книга Б. Н. Меншуткина «Михайло Васильевич Ломоносов» и т. д.

Следует вспомнить об одном, ныне забытом факте из истории книгоиздательской деятельности Академии. В конце 1906 года

И. А. Кубасов, занимавший скромную должность помощника заведующего книжным складом, выступил с инициативой подготовки и издания «Академической библиотеки русских писателей». Суть его идеи сводилась к тому, что Академия должна начать доброкачественное издание сочинений русских писателей, которые будут большими тиражами распространяться на русском языке по самой доступной цене. И. А. Кубасовым была подготовлена «Записка», в которой указывалось, что все это является делом Академии, «учреждения, которое должно пещись о народном просвещении», что это «укрепит связь массы с высокой представительницей отечественной науки — с Императорской Академией наук»³.

9 декабря 1906 года «Записка» И. А. Кубасова рассматривалась на заседании Отделения русского языка и словесности, доклад об этом сделал А. А. Шахматов, горячо поддержавший автора «Записки». Была создана специальная Комиссия по вопросу о научно-популярном издании русских писателей. В состав ее вошли академики Н. П. Кондаков, Ф. Е. Корш, А. А. Шахматов, С. Ф. Ольденбург и другие ученые. Председательствовал в комиссии сначала Н. П. Кондаков, позднее А. А. Шахматов. В сентябре 1907 года комиссия завершила свою работу и доклад свой представила на утверждение президенту Академии. Изложим основные положения данного любопытного документа.

1. «Академическая библиотека русских писателей издается от имени Императорской Академии наук, при непосредственном наблюдении со стороны Академии».

2. Необходимо начать «бесперывный выпуск томов Библиотеки», который потребует «особого напряжения духовных и материальных затрат».

3. Предполагалось ежегодно издавать от 5 до 7 томов объемом до 200 печатных листов, тиражом от 3 до 10 тыс. экз. Для этих целей требовались дополнительные ежегодные бюджетные ассигнования в размере 30 тыс. руб.

4. «Полный годовой экземпляр» академической Библиотеки (т. е. 6–7 томов) должен был стоить 8 руб., а с «уступкой в 25%» — 6 руб.

5. Был предложен и список российских писателей, чьи произведения предполагалось издавать. В него вошли 64 фамилии — Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Н. Лесков, А. Пушкин, А. Чехов и др.

Причем комиссия «посчитала неудобным вносить в список писателей здравствующих» и сделала в данном случае единственное исключение для Л. Н. Толстого.

Известно, что Академии удалось до начала Первой мировой войны выпустить в свет собрания сочинений нескольких писателей. Так, в 1909 году вышли сочинения А. В. Кольцова в одном томе, книга в мягком переплете стоила 60 коп., а в твердом переплете — 85 коп. Причем в 1909 году сначала полностью разошелся первый тираж книги в 10 тыс. экз., затем в том же году был напечатан и разошелся второй тираж, в количестве уже 20 тыс. экз., а в 1911 году было выпущено и полностью разошлось третье издание книги. Следовательно, не вызывает сомнения тот факт, что России был нужен подобный тип издания. Том стихов М. Ю. Лермонтова в мягком переплете продавался по цене 75 коп., а в жестком переплете — за 1 р. 25 к. и т. д. Сегодня стоит только пожалеть о том, что эта важная и благородная, а главное, вполне осуществимая академическая традиция не только не развивается, но и забыта.

Другая малоизвестная страница издательской работы Академии была связана с деятельностью академической Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Комиссия была создана в разгар Первой мировой войны, когда уже потребовалось наивысшее напряжение всех производительных сил страны для победы над врагом, и конкретные научные данные о полезных ископаемых, о наиболее оптимальных, дешевых способах их добычи и использования имели важное значение. Издательская деятельность КЕПС началась с выпуска целого ряда небольших брошюр в серии «Естественные производительные силы». В 1915 году удалось выпустить в свет несколько брошюр общим объемом 5,5 печатного листа, а в 1916 года этот объем уже составил 46 печатных листов⁴. Назовем некоторые из подобных брошюр: «Железо» К. И. Богдановича, «Селитра» В. Н. Вебера, «Природные газы» А. Д. Стопневича, «Бор» В. Г. Хлопина и др. Эти издания имели ярко выраженный научно-прикладной характер и могли быть сразу же использованы инженерно-технической интеллигенцией в работе.

Необходимо упомянуть об одном важном моменте, характеризующем издательско-просветительскую деятельность Академии. Дело в том, что часто изданные Академией книги бесплатно

выдавались или высылались ею заинтересованным учреждениям, организациям или отдельным специалистам. Обычно заявление об этом рассматривалось на заседании одного из отделений и давалось соответствующее указание на книжный склад, где и хранились все запасы книг. На складе для этой цели велась специальная «Книга выдачи изданий». Так, согласно записям, сделанным в упомянутой книге за 1908 год, были зафиксированы 133 «выдачи» книг со склада, а за 1912 год уже 179 «выдач» и т. д.⁵ Причем чаще всего одной «выдачей» фиксировалось предоставление бесплатно нескольких книг. В этом также проявлялись давние демократические традиции Академии, бескорыстное служение просвещению народа и пропаганде научных знаний.

В предвоенные годы научно-издательская деятельность Академии получила широкую известность и авторитет у мирового научного сообщества. Такие ее издания, как «Известия Академии наук», заслужили репутацию одного из лучших журналов в мире науки, выходившего с безукоризненной периодичностью.

Первая мировая война стала суровым испытанием для издательской работы Академии наук. Уже в первые месяцы войны из Типографии на фронт ушли 34 квалифицированных работника, в последующие годы эта убыль продолжалась.

Одновременно с этим начало резко ухудшаться финансовое положение и материальное снабжение издательского дела.

Приведем конкретные данные, свидетельствующие об упадке академического издательства в годы войны⁶:

- в 1914 г. «отпечатано» 1 626 п. л.;
- в 1915 г. — 1 430;
- в 1916 г. — 961;
- в 1917 г. — 609;
- в 1918 г. — 494.

Известно, что издательская деятельность, ее формы и результаты во многом определяют лицо любого научного учреждения, являются важнейшим компонентом его существования. Совершенно не случайно с самого начала контактов Академии наук с Советской властью учеными был поставлен вопрос об издании научных трудов. В письме президента Академии А. П. Карпинского в Совнарком от 17 апреля 1918 года указывалось: «Чрезвычайно беспокоит Академию и другой вопрос, который в настоящее время

не получает разрешения и грозит затормозить научную работу Академии, — это вопрос о печатании ее трудов, сотни листов которых ждут очереди и неизвестно, когда ее дождутся, если не будут приняты срочные меры: по одной Комиссии естественных производительных сил лежит без движения до 200 печатных листов работ, имеющих срочный характер»⁷.

Вскоре председатель Совнаркома В. И. Ленин дал конкретные указания на этот счет, и уже 28 апреля 1918 года Академия получила телеграмму от комиссара Литературно-издательского отдела Наркомпроса П. И. Лебедева-Полянского о срочном издании трудов КЕПС: «Постановлением Совнаркома Академии наук поручено срочно издать ряд работ, всего двести листов». Копии телеграммы были посланы в Технический совет СНХ Северного района, ведающий петроградскими типографиями, и в Литературно-издательский отдел в Петрограде⁸. В то время для восстановления народного хозяйства требовались конкретные данные о природных богатствах, полезных ископаемых, климатических условиях, о наиболее дешевых способах добычи и использования природных богатств. Поэтому послереволюционная деятельность КЕПС была продолжена выпуском в 1918–1921 годах серии «Естественные производительные силы».

Брошюры этой серии объединялись в тома по предметному признаку, например: том I — «Ветер как двигательная сила», том IV — «Полезные ископаемые», том VI — «Животный мир» и т. д. Так, том «Полезные ископаемые» составили 45 брошюр различных наименований⁹. Одним из показателей актуальности серии стал тот факт, что позднее, в первые годы нэпа, многие из этих работ были переизданы.

Несмотря на все трудности и лишения периода гражданской войны и иностранной интервенции, издательская деятельность КЕПС продолжалась. Ощущалась острейшая нехватка бумаги, возникали перебои в деятельности типографии, но труды, в которых так нуждались инженерные и технические кадры страны, выходили в свет. Продолжалось издание серии «Естественные производительные силы», параллельно стала выходить другая серия — «Материалы для изучения естественных производительных сил». Это были также небольшие брошюры: «Месторождения плавикового шпата в России» Е. В. Еремина (1919), «Каспийские кильки и их возможное

промысловое значение» В. И. Мейснера (1919), «Медь» И. А. Каблукова (1920), «Фосфориты Украины» В. Н. Червинского (1920). Издавалась, кроме того, серия научно-популярных очерков «Богатства России». В нее вошли: «Минеральные воды» А. Д. Стопневича (1920), «Животноводство» Е. Ф. Лискуна (1921), «Хлопок» В. И. Масальского (1921). Публиковались отчеты о работе самой КЕПС.

Титульный лист журнала «Природа», издававшегося Академией наук. 1919 год

С 1919 года именно КЕПС возобновила выпуск широко известного журнала «Природа». Он является старейшим отечественным научно-популярным журналом. Инициаторами и первыми редакторами его в 1912 году были известные ученые В. А. Вагнер и А. В. Писаржевский. Можно сказать, что «крестным отцом» журнала был А. П. Чехов. В переписке с В. А. Вагнером он впервые высказал мысль о необходимости такого издания. В первом же номере «Природы», вышедшем после революции, были помещены статьи видных ученых. В одном из выпусков академик А. Е. Ферсман писал о трудном историческом моменте, переживаемом страной, но выражал твердую уверенность в ее светлом будущем: «Законы истории неумолимы, великие нации слишком жизненны, а культурные завоевания и идеи бессмертны, и стране, имевшей Мечникова, Ковалевского, Менделеева, Федорова, не может и не должно быть страшно за будущее своей культуры»¹⁰. В 1919 году были напечатаны девять номеров «Природы».

С момента выхода в свет этих журналов прошло более 90 лет. Но сегодняшнего читателя буквально поражают высокая научность и актуальность некоторых статей, опубликованных в них.

Вот, например, выдержки из статьи А. П. Семенова-Тян-Шанского «Свободная природа — великий живой музей»: «Создавая и уважая законы всякого разумного общежития, мы не можем не сознавать, что на земной поверхности имеет высшее право свободного существования все на ней от века живущее. К тому же жизнь на Земле переплетена и связана такой сложной сетью внутренних взаимоотношений, что мы не имеем ни нравственного права, ни физической возможности нарушать искони установившееся равновесие жизненных сил. Нарушая это равновесие, безудержно гася очаги жизни природы, расхищая и растрачивая ее основной фонд, мы сами себе роем яму, готовим потомству нашему печальное будущее...»¹¹

Приведем еще один фрагмент из статьи другого ученого. В ней Л. С. Берг полемизировал с художественно-философскими взглядами Ф. Ницше: «Ницше высказывает мысль о периодическом повторении всех явлений мира. Но явления мира, в конечном результате, необратимы и, следовательно, неповторимы»¹².

Журнал служил благородным целям пропаганды научно-технических знаний. Уместно привести характеристику, которую дал в то время изданиям КЕПС непререкаемый секретарь Академии наук

С. Ф. Ольденбург: «Здесь в более общедоступной форме даются очерки, тоже по возможности исчерпывающие суть вопросов. Эти издания не успевают выходить, как уже тотчас расходятся, показывая этим, что они отвечают насущной потребности»¹³.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в первые годы после революции труды КЕПС издавались Академией наук в первоочередном порядке, несмотря ни на какие трудности. Так, в 1920 году в общем объеме академических изданий 376 печатных листов материалы комиссии составили 142 печатных листа, а за первые пять лет Советской власти было выпущено в свет около 130 различных наименований трудов КЕПС¹⁴. Достаточно активная издательская деятельность комиссии была обеспечена даже тогда, когда Академия в условиях разрухи народного хозяйства была вынуждена резко сокращать объемы своих изданий в целом. Упомянутые 376 печатных листов Академии 1920 года составляли только 26,1% от объема выпуска 1913 года (в 1913 года было выпущено 1 434 печатных листа)¹⁵.

После окончания гражданской войны, с переходом к мирному строительству, стали постепенно расширяться и издательские возможности Академии наук. Соответственно, возрастали и параметры издательской деятельности КЕПС, большее количество трудов стало выпускаться в упомянутых выше сериях. Кроме того, с 1922 года начали выходить «Известия» главных научных учреждений, входящих в КЕПС: Института физико-химического анализа, Института изучения платины и других благородных металлов, Сапропелевого комитета и др. При КЕПС были созданы Научно-издательский отдел и Отдел распределения изданий.

Анализ изданий КЕПС, вышедших в первые годы после революции, показывает, что главное внимание уделялось выпуску работ научно-прикладного характера, исследований, обобщавших конкретную информацию, т. е. таких, которые могли быть сразу же использованы инженерно-технической интеллигенцией в сложной и многоплановой работе по восстановлению народного хозяйства. Так, с 1917 по 1926 год КЕПС было издано около 200 различных наименований работ научно-прикладного характера общим объемом около 1 000 печатных листов, 82 номера журнала «Природа» и только 7 монографий¹⁶.

В первой половине 1920-х годов КЕПС осуществляла книгообмен и высылала свои издания 329 центральным и местным научным

учреждениям и организациям¹⁷. Причем в те годы уровень «охвата» академическими изданиями «своего читателя» был в достаточной мере высок; надо иметь в виду, что на всей территории СССР (без Москвы и Ленинграда) по состоянию на 1 января 1927 года было зарегистрировано только 11 197 научных работников¹⁸.

Именно издания КЕПС стали первыми научными трудами Академии наук, отправлявшимися после революции за границу для обмена на иностранные научные издания. Зарубежные ученые проявляли к ним большой интерес. Уже в феврале 1921 года за границу были отправлены труды КЕПС пятидесяти наименований в количестве 2 500 экз.¹⁹ В октябре–декабре 1922 года Прусской Академией наук в Берлине были получены труды КЕПС шестидесяти наименований, в их числе брошюры серий «Естественные производительные силы», «Богатства России», журнал «Природа» и др.²⁰

Титульный лист одного из изданий КЕПС Академии наук. 1921 год

Следует отметить несколько самых важных организационных моментов в издательской деятельности Академии в первые послереволюционные годы. До 1923 года все издательские дела по РАН, как и до революции, продолжали сосредотачиваться в руках неперменного секретаря. В апреле 1923 года было создано и зарегистрировано в Петроградском Главлите Издательство РАН²¹. Общее собрание Академии 1 декабря 1923 года приняло решение о том, чтобы все дела по издательству и типографии были сосредоточены в одних руках, первым заведующим был назначен А. Е. Ферсман²². Была также утверждена следующая структура издательства: заведующий РАНИ и академическая типография; редакционная и издательская части.

Кроме того, под техническим руководством РАНИ (с 1925 года — АНИ) находились несколько научно-издательских отделов, действующих при некоторых академических комиссиях. О деятельности самого значительного из них — научно-издательского отдела КЕПС — мы уже упоминали выше. Наконец, 3 октября 1930 года Общим собранием было утверждено новое «Положение об Издательстве Академии наук СССР и РИСО»²³.

Заметим, что в 1923 году штата издательства состоял из семи человек, причем его руководители С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман «никакого содержания за работу в Издательстве не получали»²⁴.

Для нас представляют интерес данные о масштабах всей издательской деятельности Академии наук в 1920-е годы²⁵. Выше уже упоминалось, что в дореволюционный период своего «пика» эта деятельность достигла в 1913 году, когда вышли в свет научные труды в объеме 1 434 печатных листа (будем считать условно данный результат за 100%). В 1920 году Академия дошла до нижней точки по этой шкале — было выпущено 376 печатных листов научной литературы (т. е. 26,1% от объема 1913 года). Тем не менее, Академия приняла участие в проведении выставки, посвященной трехлетию юбилею Октябрьской революции. Выставка проходила во Дворце искусств (так назывался тогда Зимний дворец). Академия выставляла свои издания, вышедшие за годы революции, — всего 204 книги и брошюры²⁶.

В послевоенные годы начался постепенный рост масштабов издательской деятельности Академии наук. Возьмем для примера сведения из «Сводного отчета Издательства РАН за

1923 год». В этом году были изданы научные труды 82 наименований, объемом в 706 печатных листов, тираж их составлял от 500 до 1 500 экземпляров²⁷. Назовем некоторые из них: «Пушкин и его современники» Б. Л. Модзалевского, «Список народностей Сибири» С. К. Патканова, «Ботанико-географические условия Петроградского края» П. И. Браунова и др.

В отчете упоминалось и об «исключительно сложном типографском наборе», к которому приходилось прибегать при печати многих книг. Здесь были и математические и химические формулы, древние и восточные шрифты, таблицы и пр. При этом указывалось, что многое из этого «может произвести лишь единственная в СССР типография — Академическая»²⁸.

В этом документе говорилось еще об одной важной особенности деятельности академического издательства в самые первые годы революции: «Издательская деятельность Академии построена на началах книжного обмена. Продажа изданий Академии за наличные выражается в ничтожной сумме, большинство же изданий бесплатно рассылается научным учреждениям СССР и за границу, а также отдельным научным работникам. В ответ на бесплатные посылки, библиотеки Академии получают крупные партии так же бесплатно посланных изданий как от местных, так и от зарубежных учреждений и лиц»²⁹.

Приводились и конкретные данные по этому вопросу. Так, в 1923 году Академией наук было разослано по СССР 27 157 книг, из них более 20 000 книг было отправлено в государственные учреждения. В свою очередь, Академией в 1923 году было бесплатно получено из-за границы 11 493 книги, причем было известно, что за годы войны и революции в зарубежных учреждениях накопилось более 100 000 томов, предназначенных для отправки в Академию наук, но трудности транспортировки и пересылки не позволяли все это быстро отправить адресату.

Всего же за первые 6 лет революции издательством была выпущена в свет 371 работа (в том числе 233 — Академией и 138 — КЕПС) общим объемом 3 570 печатных листов. Кроме того, в различных сборниках и журналах учеными было напечатано 749 статей, в том числе 533 по естественным наукам и 215 по наукам гуманитарным³⁰.

В фонде Издательства Академии нам удалось выявить интересный, на наш взгляд, документ. Это утвержденный руководством

Академии «Список наиболее важных в научном отношении рукописей, предназначенных для печатания в 1925 г.»³¹. Список включает работы 20 наименований общим объемом 759 печатных листов. Назовем некоторые из них: «Словарь русского языка» (20 п. л.), «Русский синтаксис» А. А. Шахматова (47 п. л.), «Осетинский словарь» В. Ф. Миллера (35 п. л.), «Объяснительная записка к племенной карте населения СССР» (Труды КИПС), «Промысловые животные Сибири» Г. Х. Махоткина и др. В объяснительной записке к плану академических изданий на 1925 год, в частности, говорилось, что «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова — это «основа, без которой дальнейшее научное изучение русского языка совершенно немыслимо», а об «Осетинском словаре» В. Ф. Миллера — что это первая практическая попытка, в которой «жизненно заинтересованы сами осетины»³². Полагаем, что приведенные выше факты свидетельствуют о том, какое большое значение руководство Академии в то время придавало реальной практической значимости своих изданий.

В 1925 году в Академическом издательстве велась работа по подготовке к выпуску уже нескольких серий научных трудов, приведем некоторые конкретные данные о них³³.

1. Серия «Известия АН СССР».
— Поппе Н. Н. Чувашский язык, ч. III;
— Гуткова Н. Н. Апатиты Хибин;
— Лурье С. Я. Соперник Гомера и др.
2. «Доклады АН СССР». Серия «А».
— Лабунцов П. Н. Результаты экспедиции в Восточные Саяны и др.
3. «Доклады АН СССР». Серия «Б».
— Абаев В. Об ударении в осетинском языке;
— Бартольд В. Собрание восточных рукописей в Баку;
— Крачковский И. Рукопись Корана в Пскове и др.
4. «Труды КИПС».
— Макаренко С. Северные тунгусы;
— Богораз В. «Палеоазиаты»;
— Штернберг Л. Южные тунгусы и гиляки и др.
5. «Ежегодник Зоологического музея».
— Александрова О. М. О фауне Тверской губернии;
— Оболенский С. Заметки о фауне Каменной степи Воронежской губернии и др.
6. «Записки Коллегии востоковедов».

— Марр Н. О грузинских надписях из Месхи;
— Ольденбург С. И. Н. Березин как путешественник и исследователь иранских наречий и др.

7. Сборник «Туркестан».

— Прасолов А. Почвы русского Туркестана;
— Бартольд В. История и культурные потребности населения Туркестана и др.

Со второй половины 1920-х годов Академия наук, по требованию Советского правительства, все активнее начинает заниматься исследованиями прикладного характера, тесным образом связанными с насущными задачами хозяйственного и культурного строительства в СССР. Соответственно, постепенно возрастают и бюджетные ассигнования, выделяемые Академии государством.

Эти обстоятельства и обеспечивали неуклонный рост основных параметров издательской деятельности Академии наук. На 1927/1928 бюджетный год издательским планом Академии предусматривалось печатание трудов уже общим объемом более 1 300 печатных листов. В этом плане были обозначены следующие «Главнейшие издания АН СССР на 1927/28 гг.»³⁴.

Общеакадемические:

— «Известия АН СССР», ред. С. Ф. Ольденбург (18 номеров);
— Справочник «Наука в СССР», ред. С. Ф. Ольденбург, Е. Ф. Карский;
— Труды Комиссии по истории знаний, ред. В. И. Вернадский;
— Труды КИПС, ред. С. Ф. Ольденбург.

2. По Отделению физико-математических наук:

— «Известия физико-математического института», ред. П. М. Никифоров;

— «Труды по изучению радия и радиоактивных руд», ред. А. Е. Ферсман;

— «Труды Геологического музея», ред. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг;

— «Труды Минералогического музея», ред. А. Е. Ферсман;

— «Труды Ботанического музея», ред. И. П. Бородин;

— «Ежегодник Зоологического музея», ред. А. А. Бялыницкий-Бируля.

3. По Отделению гуманитарных наук:

— «Словарь русского языка», ред. В. М. Истрин;

— «Труды Музея палеографии», ред. Н. П. Лихачев;

— «Сборник Музея антропологии и этнографии», ред. Е. Ф. Карский;

— «Яфетический сборник», ред. Н. Я. Марр;

— «Византийский временник», ред. Ф. И. Успенский.

4. По КЕПС:

— «Материалы КЕПС», ред. А. В. Ферсман;

— «Известия Бюро по генетике и евгенике», ред. Ю. А. Филипченко;

— Журнал «Природа», ред. А. Е. Ферсман (12 номеров).

5. По Комиссии по изучению Якутии (КЯР):

— «Материалы КЯР — труды КЯК», ред. Ф. Ю. Левинсон-Лесинг.

6. По Особому Комитету по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР):

— «Материалы ОКИСАР», ред. С. И. Руденко;

— «Осведомительный бюллетень ОКИСАР», ред. С. И. Руденко, (18 номеров).

Теперь попытаемся рассмотреть вопрос о месте и значении академического издательства в книгоиздательском деле страны тех лет. Для сравнения возьмем результаты деятельности Государственного издательства РСФСР, которое тогда «являлось основным издателем книг, выпускавшим большую часть книжной продукции страны»³⁵. В 1924 году Госиздатом было выпущено научно-популярной и учебной литературы 12 703 218 экз.³⁶ В это же время Академии удавалось ежегодно выпускать в свет 150 000–200 000 экз. книг. Безусловно, удельный вес академических изданий в общем объеме книг сам по себе был невелик, но они имели большие и неоспоримые достоинства. Академические издания практически всегда являлись результатом многолетней, основательной научно-исследовательской работы, часто эти книги носили уникальный характер, т. е. в стране, кроме Академии, никто просто не смог бы осуществить подготовку их издания. Книги эти почти всегда имели четкую направленность на определенного читателя, которому они были необходимы.

Кроме того, существовало еще одно обстоятельство, которое повышало значимость изданий Академии: в стране со второй половины 1920-х годов наблюдались тенденции по сокращению тиражей «серьезной» литературы вообще. В этом плане удалось выявить

интересный, на наш взгляд, документ в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории. Это секретный материал к заседанию Оргбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1926 года, где рассматривался вопрос о работе Госиздата. В частности, было зафиксировано, что выпуск учебной литературы сократился с 12 703 218 экз. в 1924 году до 5 684 313 экз. в 1926 году; выпуск литературы «для подготовленного читателя» сократился соответственно с 6 406 439 экз. до 4 032 835 экз.³⁷ Попутно было отмечено, что из плана на 1926 года «книга по искусству совершенно исчезла». В то же время Оргбюро ЦК с удовлетворением отметило, что резко возросли тиражи «литературы по пропаганде директив партии». Так, по пропаганде решений XIV съезда партии вышло в свет 3 266 000 экз. изданий (в то время как по решениям предшествующего, XIII съезда было выпущено всего 470 000 экз. подобной литературы)³⁸.

На наш взгляд, достаточно ясное представление и об основных масштабах издательской деятельности Академии наук, и об их динамике в первые годы Советской власти дают приводимые ниже обобщенные сведения³⁹.

В 1913 г. издано 1 434 п. л. (100%)

В 1917 г. — 686 п. л. (46,8%)

В 1920 г. — 376 п. л. (26,1%)

В 1922 г. — 738 п. л. (57,4%)

В 1924 г. — 510 п. л. (35,5%)

В 1926 г. — 939 п. л. (65,4%)

В 1927 г. — 1 567 п. л. (109,2%)

В 1930 г. — 2 295 п. л. (160%)

В 1932 г. — 1 848 п. л. (129,0%)

Всего же, за первые 15 лет Советской власти Академией наук были напечатаны научные труды общим объемом 13 615 печатных листов.

Анализируя издательскую деятельность Академии в 1920-е годы, нельзя не сказать о крайне скудных материальных возможностях, которые имелись для ее обеспечения. В специальной «Записке», подготовленной издательством для руководства Академии осенью 1924 года, указывалось: «На деле кредиты, предоставляемые Издательству АН, не достигают самых голодных норм. Смета урезывается более чем вдвое, лишая Академию наук возможности осуществить какой бы то ни было план»⁴⁰.

Приводились и конкретные цифры: на 1923 год «было испрошено кредитов» на издательскую работу 167 тыс руб., а «отпущено» только 65 тыс руб.; на 1924 год — «испрошено» 148 351 руб., а «отпущено» опять лишь 65 тыс руб. В «Записке» отмечалось, что в издательстве уже накоплен «запас» рукописей объемом более 1 500 печатных листов, которые ждут набора. Кроме того, «в наборе» имелось более 300 печатных листов, причем «многие из этих наборов стояли по 5–10 лет и приходили в негодность».

В январе 1924 года С. Ф. Платонов на одном из заседаний Отделения исторических наук и филологии доложил об отсутствии средств на издание «Русского исторического журнала»⁴¹. Решение, принятое учеными, было неутешительно: «Считаем издание необходимым, но ввиду сокращения издательского плана нельзя обеспечить его печатание в ближайшем будущем».

Подобные обстоятельства заставляли Академию наук искать возможности издания научных трудов за границей. Так, в феврале 1924 года Общее собрание согласилось с заявлением Пушкинского Дома о целесообразности заключения договора с венским издательством «Манц» на издание там документальных материалов о жизни и деятельности Ф. М. Достоевского⁴². В 1924 году так же «за границу ушли» труды Зоологического музея и Музея антропологии и этнографии, работа Ф. Д. Плеске о птицах, четыре тома Дун-Хуанской экспедиции и др. Такой исход, конечно, был крайне не желателен для отечественной науки, так как эти издания становились уже практически недоступными для российских читателей.

Осенью 1924 года С. Ф. Ольденбург обратился к председателю СНК А. И. Рыкову с письмом, где говорилось о «катастрофическом положении, в котором находятся русские ученые, почти совершенно лишенные возможности печатать свои ученые труды в России вследствие крайней ограниченности кредитов, ассигнуемых научному Издательству»⁴³. Академия просила дополнительных ассигнований, которые позволили бы ежегодно издавать научные труды объемом 1 900–2 000 печатных листов. Письмо С. Ф. Ольденбурга из Секретариата СНК было направлено в Госплан и Наркомфин с резолюцией Алексея Ивановича: «Вопрос заслуживает того, чтобы на него было обращено серьезное внимание и была сделана попытка облегчить положение с научным Издательством»⁴⁴.

«Сделанная попытка» реальных результатов не принесла, положение дел с изданием трудов Академии продолжало оставаться неудовлетворительным. Впрочем, самое бедственное положение по изданию научных трудов существовало тогда во всей системе Главнауки Наркомпроса. Об этом убедительно свидетельствует «Записка», с которой в декабре 1924 года обратился в Совнарком начальник Главнауки Ф. Н. Петров (в Академию наук этот документ, видимо, был направлен в копии, чтобы свидетельствовать о том, что ее неоднократные обращения по этому вопросу в Наркомпрос не остаются «без движения»)⁴⁵.

В начале своей «челобитной» Ф. Н. Петров отметил, что «залежи» научных трудов, требующих издания по учреждениям вверенного ему Главка, составляют более 10 тыс печатных листов. Для этой цели Главнауке на 1924 год было ассигновано 175 тыс. руб. Далее шла краткая смета распределения этих денег. Мы должны привести ее здесь полностью, чтобы можно было ясно понять положение дел.

— РАН выделено 65 тыс. руб. (об этой сумме мы упоминали выше, хотя РАН просила 148 351 руб.);

— Институту красной профессуры — 10 тыс. руб.;

— на печатание ведомственных журналов Главнауки ушло 55 тыс руб.;

— на долги Госиздату — 30 тыс. руб.

Остаток составил 15 тыс. руб., которые полагалось «раздать» на издательскую деятельность 413 научным учреждениям со штатом в 4 000 работников. Свою «Записку» автор завершал невеселой шуткой о том, что этих денег хватало, чтобы издать «на долю каждого научного работника менее половины страницы».

В ноябре 1927 года Общее собрание в очередной раз поручило В. И. Вернадскому разобраться в этом вопросе. Владимир Иванович проинформировал Общее собрание о том, что положение издательства «требует немедленного принятия экстренных мер»⁴⁶. Он заметил, что получаемые ежегодные ассигнования позволяют выпускать книги объемом всего в 1 300 печатных листов, и считал необходимым вновь обращаться за помощью к правительству.

Ситуация, к сожалению, изменялась медленно. Так, в январе 1929 года руководство Академии с тревогой установило, что

не представляется возможным издать крайне важные, первоочередные труды Комиссии по изучению Якутской АССР⁴⁷. В их числе: материалы плавания шхуны «Полярная звезда» в море Лаптевых в 1927 году, отчет Морского отряда Якутской экспедиции, ботанические исследования, статьи по санитарно-медицинскому обследованию Колымского округа и др.

По установленному издавна порядку, после типографии вся готовая книжная продукция поступала на Книжный склад Академии наук. В фондах С.-Петербургского филиала Архива РАН сохранился интересный исторический источник — это «Входящая книга книжного склада Императорской Академии наук»⁴⁸.

Ведение этой книги было начато 10 июня 1865 года и самым аккуратным образом продолжалось до 1930 года. В книге указывались следующие сведения:

- дата поступления;
- количество поступивших экземпляров;
- «время выхода в свет» книг и др.

По проведенным нами подсчетам — в книге за период с 10 июня 1865 года по 31 декабря 1930 года было зафиксировано 4 148 «поступлений» (в том числе, 3 324 «поступления» были записаны до 1 января 1917 года).

Покажем, выборочно, динамику «поступлений» за первые годы Советской власти:

- в 1919 г. — 16 поступлений (самый низкий их уровень)
- в 1922 г. — 40;
- в 1925 г. — 77;
- в 1928 г. — 158;
- в 1930 г. — 235.

В послереволюционные годы Академия традиционно продолжала бесплатно выдавать и высылать свои издания научным учреждениям страны и отдельным ученым. На книжном складе Академии продолжалось тщательное ведение «Книги выдачи изданий», начатое еще в сентябре 1906 года. Приведем данные о размерах бесплатных «выдач» академических изданий по ряду лет. За 1918 год было зафиксировано 95 «выдач», за 1922–169, за 1924–236, за 1926–760 и т.д. Вот несколько конкретных записей из «Книги выдачи...» за 1925 год: «Выдать Псковскому историко-архитектурному музею издания по списку», «Выслать

Азербайджанскому государственному музею издания по списку», «Ярославскому пединституту издания по списку — 12 экз.» и т. д.

В отчете Издательства о работе за 1923 год мы находим сведения о том, что «издательская деятельность Академии построена на началах книжного обмена. Продажа изданий Академии за наличные выражается в ничтожной сумме, большинство же изданий бесплатно рассылается научным учреждениям СССР, а также отдельным научным сотрудникам»⁴⁹. В 1923 году по Союзу было разослано 27 157 экз. академических изданий. За период с мая по июль 1924 года Академией было продано всего 175 книг на сумму 330 руб., и в то же время за три месяца было «отпущено в дар» 9 264 книги для 103 научных учреждений и для 197 ученых⁵⁰.

В 1927 году Академией было бесплатно распространено 104 тыс экз. изданий, в 1928–121 тыс книг⁵¹. К концу 1920-х годов внутри СССР академические издания рассылались 750 учреждениям и организациям. Следует подчеркнуть, что все это происходило в условиях нэпа, когда практически вся издательская деятельность в СССР (государственная, кооперативная и частная) велась на условиях хозрасчета и самокупаемости. В этом достаточно ярко проявились давние демократические традиции Академии — бескорыстное служение отечественных ученых делу просвещения народа, пропаганде научных знаний.

Правительственные органы неоднократно предлагали Академии прекратить практику бесплатной выдачи книг. Любопытный документ в этом плане нам удалось выявить в Архиве РАН. Это протокол заседания междуведомственной Группы по учету научных сил и научной работы СССР от 5 марта 1929 года⁵². На заседании обсуждался вопрос «О современном положении издательского дела» и возможных мерах по улучшению его бедственного финансового положения. С критикой деятельности Академии наук выступил ее постоянный оппонент М. Н. Покровский. Он резко высказался «против бесплатного снабжения книгами» и предложил «работу Издательства Академии СССР, по примеру Комакадемии, построить на принципах хозяйственного расчета». Отстаивать традиции Академии и на сей раз пришлось С. Ф. Ольденбургу, который терпеливо и деликатно указал «борцу за идею», что «книгообмен всегда был одним из средств культурно-просветительной деятельности Академии». Непременного секретаря твердо

поддержал Н. И. Вавилов, который, отметив, что «у нас еще мало научных издательств и затруднительное положение на книжном рынке», заявил, что «необходимо продолжать широкое снабжение бесплатно изданиями Академии наук». Вопрос этот в тот раз удалось «спустить на тормозах»: было решено, что «Академия наук СССР должна учесть все высказанные замечания».

Попытку «учесть все высказанные замечания» руководство Академии наук предприняло уже в том же, 1929 году. Это попытка, на первых порах, оказалась не очень удачной, о чем свидетельствуют приведенные ниже обобщенные сведения о продаже академических изданий в 1929/1930 гг.⁵³:

Книжные склады АН СССР	Продажная стоимость книг	Годовая выручка (за 1929/1930 г.)	Отношение выручки к продажной стоимости в%%
Якутская комиссия	41.205 руб	1.140 руб.	2.8%
КЕПС	38.748 руб.	23.394 руб.	60%
Основной склад	276.007 руб.	19.728 руб.	7.2%
Всего:	350.760 руб.	44.263 руб.	12.6%

Пройдет совсем немного времени, когда власти удастся покончить с остатками автономии Академии, будут произведены резкие перемены в ее жизни и будет покончено со многими академическими традициями, а в их числе и с просвещенческой традицией бесплатной выдачи своих изданий.

Выше уже упоминалось о том, что с 1921 года Академия возобновила активную работу по международному книгообмену. В сентябре 1922 года для лучшей организации этой деятельности при Академии было учреждено Бюро по международному книгообмену (БЮК)⁵⁴. И в этом деле руководство Академии старалось придерживаться академической традиции — давать больше книг тем, кто более всего испытывает в них нужду. Так, в ноябре 1922 года Общим собранием было принято решение о том, чтобы Книжной палате Монголии «направлять возможно большее количество книг»⁵⁵.

Начиная с 1923 года этот процесс устойчиво шел по нарастающей, с 1923 по 1927 год было отправлено за границу 194 693 экз. и получено соответственно в обмен 96 738 экз.⁵⁶ Так, в июне 1926 года

Прусской Академией наук в Берлине было получено письмо БЮК АН СССР, в котором говорилось, что «Академия наук СССР высылает некоснительно все без исключения печатаемые ею издания»⁵⁷.

К концу 1927 года Академия наук СССР «состояла в научном книгообмене» с 511 научными учреждениями всех частей света. Это были научные и культурные центры 24 стран Европы, 7 стран Азии, 4 — Африки, 10 — Америки и Австралии. В 1927 году было отправлено за границу 18 793 экз. академических изданий, в 1928—22 507 книг⁵⁸. Иногда книги высылались по просьбам зарубежных деятелей культуры и науки. Так, в октябре 1923 года был выслан словарь санскритского языка Рабиндранату Тагору, в апреле 1926 года китайскому ученому Чжан-Юань-Ци был направлен отчет об экспедиции П. К. Козлова в Монголию.

В деятельности Академии по реализации своих изданий был еще один момент, в настоящее время мало известный историкам науки. Мы имеем в виду работу по продаже книг за границей. В разные годы Академия имела дело с несколькими заграничными торговыми фирмами. Наиболее успешно эта деятельность осуществлялась совместно с фирмой «Восс Сортимент» из Лейпцига. Так, в 1923—1924 годах фирме, проводившей комиссионную продажу изданий РАН за границей, удалось реализовать книг на сумму 28 823 «золотые марки»⁵⁹. Летом 1924 года С. Ф. Платонов был в Лейпциге и вел от имени РАН переговоры с этой фирмой. При этом сотрудники фирмы сообщили, что «спрос на издания РАН очень велик» и есть реальная возможность в ближайшие месяцы реализовать книг еще на сумму 100 тыс «золотых марок»⁶⁰. Академия получала от фирмы 50% от вырученной валюты и на все эти деньги имела право закупать научную литературу за границей (при посредничестве той же фирмы).

10 октября 1918 года Совнаркомом РСФСР был принят декрет о введении новой орфографии. Известно, что еще в дореволюционные годы именно Академия являлась одним из инициаторов движения за принятие в России подобного закона и настойчиво, в довольно острой полемике с оппонентами, отстаивала ряд лет эту идею. Совершенно неожиданно решение данной проблемы в законодательном порядке принесло самой Академии новые трудности в ее издательской работе. Суть дела заключалась в том, и мы уже упоминали об этом, что в академическом издательстве и типографии за годы мировой войны, революции и острого дефицита

финансовых средств первых лет Советской власти накопился большой объем (несколько сотен печатных листов) уже набранных по правилам старой орфографии научных трудов. А возможности издания книг стали появляться, когда уже действовал декрет о введении новой орфографии. Надо отдать должное руководству Академии, которое сразу же после принятия упомянутого декрета обратилось в Наркомпрос с просьбой дать возможность академическому издательству в порядке исключения печатать некоторые научные труды по старой орфографии. А. В. Луначарский в письме от 26 ноября 1918 года выразил свое принципиальное согласие с такой постановкой вопроса: «По отношению к ученым изданиям РАН считаю правильным признать, что самой Академии надлежит каждый раз решать вопрос о правописании в каждом из этих изданий соответственно научной постановке дела, так как очень часто сохранение старой орфографии обеспечивает документальность издания и вызывается поэтому научными потребностями»⁶¹.

Однако данное разрешение Наркомпроса, как показала жизнь, вопроса до конца не исчерпывало. Организованным повсеместно органам государственной цензуры — Гублитам — кроме всего прочего, вменялось в обязанность строго следить и за тем, чтобы неукоснительно соблюдался декрет о новой орфографии. На этой почве у Академии иногда возникали с Петроградским–Ленинградским Гублитом неприятные ситуации. Так, осенью 1924 года Гублит решил издать книгу А. В. Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев» по старой орфографии, но почему-то с непременным требованием, чтобы титульный лист, предисловие и оглавление были набраны по новой орфографии⁶². С. Ф. Ольденбург вынужден был еще раз обращаться по этому вопросу в Гублит, резонно заметив, что данное указание «недопустимо и противоречит элементарным требованиям библиографии». В январе 1925 года Гублит запретил печатание по старой орфографии «Грузинской грамматики» Н. Я. Марра. Руководство Академии в очередной раз направило в цензурный орган письмо, где приводило веские доводы по решению проблемы⁶³:

— «В Академии наук еще очень велик запас старых, начатых десять лет тому назад, трудов, которые сохранили до настоящих дней свое научное значение»;

— «В Академии наук нет возможностей (средств) на новый набор»;

— «Грамматика необходима студентам университетов и вузов». Вообще «недремлющее око» цензуры находило крамолу там, где, казалось, ее найти невозможно. Летом 1925 года Гублит пытался запретить издание «Русского синтаксиса» А. А. Шахматова, усмотрев, что тем самым Академия пытается «нарушить монополию Государственного издательства по печатанию учебников»⁶⁴.

В 1920-е годы органы государственной цензуры неоднократно накладывали свой полный запрет на издание трудов советских ученых. Так в июне 1925 года академик С. Ф. Платонов обратился с письменной просьбой к неперемennomу секретарю АН СССР С. Ф. Ольденбургу по подобному факту.

Цензурой было запрещено печатание его книги «Петр Великий» в издательстве «Время». В письме академика давались и подробные объяснения данной ситуации⁶⁵. С. Ф. Платонов позволил себе не согласиться с мнением писателей А. Толстого и Б. Пильняка, которые в своих известных произведениях «с полным историческим невежеством изображают Петра грязным, пьяным и грубым солдатом, лишенным политического смысла». Далее, ученый ссылается на другую оценку, данную императору его современниками и историками Ключевским, Милюковым и Павловым-Сильванским, которые считали, что «Петр I являлся исключительным по одаренности, уму и энергии человеком».

Свое же отношение к этой исторической личности С. Ф. Платонов назвал «научно-объективным, не переходящим ни в панегирик, ни в памфлет». Ученый просил Президиум АН обратиться с просьбой об отмене упомянутого решения Главлита к его руководителю П. И. Лебедеву-Полянскому.

Важнейшей и неотъемлемой составной частью всей издательской деятельности Академии являлась академическая типография. Это было уникальное в своем роде предприятие. К концу 1920-х годов в типографии имелось 83 тыс матриц, сотни видов шрифтов на языках народов мира: 306 видов русского шрифта, 277 — латинского, 77 — восточных шрифтов, 20 — славянских, 32 вида немецкого и т. д.⁶⁶

А. В. Луначарский в 1925 году в своей статье «Всесоюзная Академия наук и ее значение» справедливо отмечал важный вклад типографии «в дело создания грамоты для народов, лишенных письменности или имеющих ее в зачаточном состоянии»⁶⁷.

Еще в конце XIX века типография имела уникальные для России возможности печатать книги на 357 языках и наречиях. После революции продолжалось приобретение типографией новых, в основном восточных шрифтов. Так, каталог 1928 года давал информацию о новых приобретениях: эстрангелло (староперсидский), пальмирский, самаритянский, уйгурский, египетские иероглифы и др.⁶⁸

Типография Академии наук. 1925 год

В 1923 году штаты типографии составляли около 100 работников, в том числе в наборной мастерской трудились 44 человека, в печатном отделении — 20, в брошюровочной — 11 и т. д.⁶⁹ Ежегодно типография могла осуществить набор 600 печатных листов научных трудов и отпечатать книги объемом 800 печатных листов, обычно в работе одновременно находилось по 40–45 наименований изданий в год.

Летом 1927 года началась работа по подготовке Всесоюзной полиграфической выставки в Москве. В проспекте выставки, подписанном председателем ее совета А. Бернадюком, подчеркивалось: «Никакого парада! Будничную, повседневную жизнь и борьбу

за восстановление промышленности должны мы показать своими экспонатами»⁷⁰. Что ж, в известной смелости и оригинальности товарищу Бернадюку отказать было нельзя (ибо по всей стране уже полным ходом шла мощная пропагандистская шумиха и трескотня об «огромных успехах», достигнутых за 10 лет Советской власти).

Академии наук СССР на стендах выставки было «выделено две квадратные сажени»⁷¹. Тем не менее, на данных «площадях» Академией была показана своя печатная продукция в количестве 101 наименования, в том числе «Доклады АН СССР», «Известия АН СССР», «Ежегодник Зоологического музея», журнал «Природа» и др.

Полагаем, что положительный опыт издательской деятельности Академии наук, накопленный в первые годы Советской власти, и сегодня представляет интерес и определенное практическое значение.

Примечания

1. ПФА РАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 53. Л. 57.
2. Там же. Д. 261. Л. 7.
3. Там же. Ф. 1. Оп. 1-1906. Д. 153. Л. 283-283 об.
4. Работы Российской Академии наук в области использования природных богатств России // Обзор деятельности КЕПС. За 1915-1921 гг. Пг., 1922. С. 86.
5. ПФА РАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 105.
6. Академия наук СССР за десять лет. 1917-1927. Л., 1927. С. 216.
7. Документы по истории Академии наук СССР. 1917-1925. Л., 1986. С. 58.
8. Там же. С. 70-71.
9. ПФА РАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 10. Л. 26-28.
10. Ферсман А. Е. Памяти Е. С. Федорова // Природа. 1919. № 4-6. С. 244.
11. Там же. С. 214.
12. Берг Л. С. Изменчивость явлений и законы природы // Природа. 1919. № 7-9. С. 291-292.
13. Ольденбург С. Ф. Работа РАН за последние три года. 1917-1919 // Наука и ее работники. 1920. №1. С. 8.
14. Подсчитано автором на основании: ПФАРАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2, 10.
15. Там же. Д. 216. Л. 7.
16. Подсчитано автором.
17. Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил СССР. Л., 1925. С. 21.
18. Наука и научные работники СССР. Л., 1928. Ч. 4. С. 748-749.

19. ПФА РАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–1 об.
20. Архив Берлинско-Бранденбургской Академии наук. Раздел II. Оп. II-XVI. Д. 77. Л. 168–168 об.
21. ПФАРАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 3. Л. 6 об.
22. Там же. Ф. 4. Оп. 2–1923. Д. 25. Л. 262.
23. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 140.
24. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 10. Л. 31 об.
25. Там же. Д. 261. Л. 7.
26. Там же. Ф. 1. Оп. 1–1920. Д. 168. § 149.
27. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 10. Л. 31–32.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 25. Л. 136–137.
31. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 22. Л. 33–33 об.
32. Там же. Л. 25–25 об.
33. Там же. Д. 22. Л. 17–24.
34. Там же. Д. 31. Л. 52–52.
35. История книжной торговли. 2-е изд. М., 1982. С. 148.
36. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 113. Д. 212. Л. 15 об.
37. Там же. Л. 15–15 об.
38. Там же.
39. ПФА РАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 261. Л. 7–7 об.
40. ПФА РАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 22. Л. 41.
41. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1924. Д. 173. ИФ, § 26.
42. Там же. ОС. § 39.
43. Там же. Ф. 18 Оп. 2. Д. 22. Л. 63–64.
44. Там же. Л. 62.
45. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 578–579.
46. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 31. Л. 89–90.
47. Там же. Д. 68. Л. 17–20.
48. Там же. Д. 107, 108.
49. Там же. Д. 10. Л. 31–32.
50. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 360.
51. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 66. Л. 83.
52. Там же. Л. 61.
53. Там же. Л. 129.
54. Академия наук СССР за десять лет. 1917–1927. Л., 1927. С. 211.
55. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а4922. Д. 171. § 204.
56. Академия наук СССР за десять лет. 1917–1927. С. 211.
57. Архив Берлинско-Бранденбургской Академии наук. Раздел II. Оп. II-XVI. Д. 78. Л. 28.
58. ПФА РАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 66. Л. 81.

-
59. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1924. Д. 173. § 156.
 60. Там же.
 61. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 23. Л. 61.
 62. Там же. Л. 58.
 63. Там же. Л. 30–30 об.
 64. Там же. Л. 13.
 65. Там же. Ф. 2. Оп. 17. Д. 139. Л. 83–84.
 66. Там же. Д. 53. Л. 51.
 67. *Луначарский. А. В.* Всесоюзная Академия наук // Правда. 1925. 15 авг.
 68. ПФА РАН. Ф. 18. Оп. 2. Д. 53. Л. 57.
 69. Там же. Д. 7. Л. 43.
 70. Там же. Д. 55. Л. 56–56 об.
 71. Там же. Л. 25.